

Некоторые эпизоды “Симфонии” почти дословно совпадают с дневниковыми записями Белого (сопоставления эти сделаны в целом ряде исследований [6], нет смысла их повторять), но с одной существенной поправкой: в “Симфонии” проявление мистических чаяний и появление различных знамений преподносится в пародийном освещении. Делается это хорошо известным пародийным приемом: в повествование о возвышенном и экстатическом вкрапливаются бытовые детали, житейские мелочи, и эпизод в целом приобретает оттенок какой-то несуразности, нелепости. Например, появление новой звезды – одного из наиболее убедительных знамений грядущих преобразований – описано в “Симфонии” так: «1. Один пришел к другому, красный от ходьбы. 2. Не снимая калош, кричал из передней: “Священные дни начались над Москвой!..” “Пойдем, брат, высматривать их морозным вечером!..” 3. “Воссияла на небе новая звезда!” (...). 6. Оба очутились на морозном холодке, и морозный холодок выкрасил им носы. 7. Быстро зашагали, свернув в пустой переулок. Как опытные ищейки, высматривали благодать» [2, с. 351].

С одной стороны – “священные дни”, “воссияла новая звезда”, “благодать”, а с другой – “красный от ходьбы”, крики из передней, покрасневшие носы, быстрое и деловитое высматривание благодати, да еще сравнение – “как ищейки”, да еще – “не снимая калош!” (Т. Хмельницкая отмечала, что “на протяжении всего творчества Белого образ калош в стихах, симфониях и даже статьях всегда вносит какой-то нелепо-смехотворный гротескный привкус” [6, с. 118]).

Приведем еще несколько примеров соединения мистико-апокалиптических рассуждений главного героя с бытовыми подробностями, сводящими на нет величественный пафос этих рассуждений. Сергей Мусатов едет в деревню “отдыхать от зимней сумятицы”, предаётся размышлениям, разглядывая пейзаж: «2. Было что-то буддийское в этом чередовании равнин и оврагов. 3. Вспоминалось больше прошлое, чем настоящее. Это прошлое было монгольское прошлое. 4. Так по крайней мере полагал аскет золотобородый, восседавший среди чемоданов. 5. Он шептал про себя: “Вот она, русская грусть и русская беспредметность...” 6. А сверху солнце уже напекало ему затылок за дерзостную мысль» [2, с. 330].

“Восседание среди чемоданов” и “пригретый затылок”, а далее в тексте упоминание о дорожных ухабах, пыли и деревне с названием Грязищи – все это разрушает мистический ореол рассуждений Мусатова о прошлом и будущем, о гибели европейской цивилизации, о необходимости соединения “западного остова” с “восточной кровью”: “Сидя среди чемоданов, он угадывал роль России в этом великом соединении...” [2, с. 330].

Предсказанный Мусатовым Грядущий Зверь не уберется, его «постигло желудочное расстройство, и он отдал Богу душу, не достигши пяти лет, испугавшись своего страшного назначения. 2. В смущении теребил аскет свою золотую бородку, шептал: “А Апокалипсис?”» [2, с. 359]. Расстройство желудка – столь прозаическая причина разрушила хорошо выстроенную и обоснованную теорию, превратив ее в досужую болтовню.

И последний удар мусатовской утопии нанесен в тот момент, когда чаемый им и его последователями младенец, чья мать – Жена, Облеченная в Солнце, узнан наконец, но при ближайшем рассмотрении оказался... девочкой: «3. В эту минуту раздвинулась портьера. Вбежал хорошенький мальчик с синими очами и кудрями по плечам. 4. Это, конечно, был младенец мужского пола, которому надлежало пасти народы жезлом железным. 5. “Милый мальчик”, – сказал Сергей Мусатов, сделав нечеловеческое усилие, чтобы не выдать себя: “Как его зовут?” 6. Но смеялась сказка, обратила запечатленное лицо свое к малютке, поправила его локоны и с напускной строгостью заметила: “Нина, сколько раз я тебе говорила, чтобы ты не входила сюда без спросу”. 7. Нина надула губки, а сказка весело заметила аскету: “Мы с мужем одеваем ее мальчиком”. (...). 9. Провалилось здание, построенное на шатком фундаменте; рухнули стены, поднимая пыль. 10. Вонзился нож в любящее сердце, и алая кровь потекла в скорбную чашу. 11. Свернулись небеса ненужным свитком...» [2, с. 360–361]. Традиционный прием достижения комического эффекта – переодевание, “обознатушки”, и вот уже предсказанный Апокалипсис из явления вселенского масштаба превращается в помешательство главного героя. Так Вечность пошутила над своим “баловником и любимцем”, так Андрей Белый пошутил над своими и Сергея Соловьева чувствами и мистическими ожиданиями начала 1901 г.

Следующим объектом пародийного изображения становятся в “Симфонии” другие носители принципиальных для Белого идей, которые объединены нами в группу под названием “Учителя и кумиры”.

УЧИТЕЛЯ И КУМИРЫ КАК ОБЪЕКТ ПАРОДИИ

Белый охотно называл имена тех, кто оказал значительное, порой определяющее влияние на формирование его взглядов и идеалов: Гейне, Верлен, Метерлинк, Шопенгауэр, Соловьев, Ницше, Кант, Пушкин, Баратынский, Тютчев, Гоголь, Достоевский, Ибсен, Стефан Георге, Гамсун, Мережковский, Брюсов. “Не Андрей Белый, а целая история литературы!” по выражению одного из современных исследователей [7, с. 76]. В разные периоды жизни автора “Симфо-